

Книги Андрея Васильева,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ

РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1004

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Замок на Вороньей горе: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2225-8

Бывает так, что обстоятельства диктуют тебе свою волю, но при этом ты лично ничего против особо не имеешь. Уличный воришка Крис Жучок по воле судьбы (выступающей в данном случае под видом немолодого мага со своими далеко идущими планами) стал третьим сыном барона, получил имя Эраст фон Рут и был отправлен вместо него ко всем демонам на кулички учиться магии в какой-то никому не известной Вороний замок. Вот только принять волю судьбы и подчиниться ей безропотно — это разные вещи. И уж совсем не факт, что планы новоявленного барона совпадут с планами того, кто изменил его жизнь навсегда.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2225-8

ГЛАВА 1

Я ожидал всего чего угодно, но только не того, что этого хорошо одетого и внешне добродушного парня убьют. Что ограбят — да, в этом был уверен, но что убьют? Однако же вот — он хрипит, дергает ногами и высовывает язык, что и неудивительно — как же еще себя вести тому, у кого на горле захлестнулась удавка?

— Ну-ну, не дергайся, — посоветовал бедолаге Толстый Го, с профессиональным интересом наблюдающий за расправой. — Расслабься — и все кончится быстрее.

— Да и так уже почти все, — со знанием дела проворчал Здоровила, который, собственно, и орудовал удавкой. — Сейчас обделается уже, вон как у него брюхо напряглось.

Пресветлая Миралина, а ведь когда они задушат его, то, скорее всего, отправят ко всем богам и меня. На кой им лишний свидетель, пусть даже он и один из тех, кто живет в квартале Шестнадцати висельников, а значит, будет молчать об увиденном?

— Пхаш-ш-ш!

Живуч этот парень, глаза уже так вылезли из орбит, что он на глубоководную рыбу стал похож, язык до колен свесился, а он все еще пытается просунуть пальцы под веревку.

— Семь демонов Зарху! — Толстый Го поморщился. — Здоровила, заканчивай уже. Я хочу выпить.

Ш-ш-шарх! И Здоровила отлетает к стене сарая, где мы находимся. Почти вся территория старых портовых складов такими сараями, похожими друг на друга, как родные братья, застроена, в них когда-то держали товары, которые мореходы привозили с Желтых островов, и жизнь тут была ключом.

Но это когда было. Теперь тут тихо, жутковато и всегда пустынно. Говорят, что в семилетие Большой Чумы королевские мортусы¹ стаскивали сюда трупы и сваливали их в кучи, но, я так думаю, это все враки. Сами рассудите, какой смысл их волочь в сараи, чтобы потом перевозить еще куда-то для сожжения? Проще сразу вместе с постройкой спалить.

Вот именно сюда и притащили этого дворянчика, поскольку, как уже было сказано, тут тихо и безлюдно.

— Что это? — взвизгнула Гусеница, подружка Толстого Го.

— Не что, а кто! — послышался негромкий старческий голос, и размалеванная девица с наполовину выбритой по последней моде Портового квартала головой, жутко заорав, схватилась за лицо. Из ее глаз забили два маленьких фонтанчика искр. Зрелище было страшное и красивое одновременно.

— Маг! — глухо охнул Древень, правая рука Го, и выхватил свой огромный «свинокол». — Ох и резня будет!

— Да чтоб вас всех! — Толстый Го глянул на недодушенного юношу, который по-прежнему оставался в сознании, мало того — плохо гнушимися пальцами стаскивал с шеи петлю, одновременно пытаясь встать на ноги. — Ну что сегодня за день такой, а?

Толстый Го, оправдывая свое прозвище, и вправду был сильно не худ, но при этом в чем в чем, а в ловкости ему было не отказать.

В три шага, будто танцуя, он приблизился к дворянчику, который уже стоял на своих двоих, и прильнул к нему, словно в поисках запрещенной богами и королевскими указами однополой любви.

Когда и как он успел вынуть кинжал, я даже не понял. Через секунду Го сделал шаг в сторону, и теперь всякий любопытствующий запросто смог бы изучить внутренний мир почти спасшегося бедняги. Живот ему Толстый располосо-

¹ М о р т у с — уборщик трупов во время эпидемий. Как правило, набирались из преступников, которые после того, как смертность шла на убыль, получали прощение своих грехов. Если выживали, конечно. — Здесь и далее примечания автора.

вал умело, что уж там. Теперь ни один лекарь не поможет, факт.

Дворянчик захрипел, изо рта у него хлынула черно-красная густая кровь, руками он пытался запихать обратно в распоротый живот мерзко выглядящий склизкий комок внутренностей, которые буквально вываливались из него.

— Агриппа! — буквально застонал маг, обращаясь невесте к кому. — Агриппа, мы опоздали!

Прав оказался Древень — в руках у старика был посох мага, и, увидев это, я понял, что теперь всем нам точно конец. Судя по всему, парень был его сыном. И теперь маг будет за него мстить, что вполне объяснимо, а значит, перебьет всех, кто повинен в его смерти. Хорошо еще, если я умру быстро и сразу — подобное можно будет счесть за немалую удачу.

— Посох! — заревел Толстый Го. — Отберите у него посох, подельнички!

Трое его подручных прыгнули к магу, но это были напрасные телодвижения — одного отшвырнула к стене молния, проделав в его груди отверстие размером с мой кулак, у второго пояс превратился в омерзительно выглядящую пещерную гадюку, которая немедленно вцепилась гигантскими кривыми клыками в живот бандита, а третьему маг без всяких сантиментов попросту разбил голову навершием посоха.

Го, как видно, не слишком рассчитывал на своих подручных, а потому решил под шумок смыться и, плюнув на погибающих соратников, скользнул к двери. Вот только и ему не повезло — шагнув к проему, он буквально насадил себя на длинное лезвие тяжелой шпаги, которую держал в руке немолодой мужчина с изрезанным шрамами лицом, как видно — тот самый Агриппа.

— Ар-р-р! — зашипел Го, хватаясь руками за лезвие.

— Агриппа, зачем? Он мог нам сказать, кто их нанял! — Маг направил наверх посоха на Гусеницу, которая все еще была жива и все это время с визгом каталась по полу, закрывая глаза ладонями. — Ой, как она орет!

Из посоха вылетела бело-голубая искра и ударила Гусеницу в левую грудь. Девка еще пару раз дернулась и затихла.

— Кто? — Маг подбежал к Го, которого тот, кого он называл Агриппой, буквально стряхнул с лезвия на пол. — Кто тебя нанял?

— Бе-э-э! — Бандит был в сознании и, разумеется, понимал, что умирает. Он не захотел отвечать на вопросы и вместо этого показал магу широкий как лопата язык, просипев вдохом: — Пошел ты, козел старый, знаешь куда?

— Кто? — Маг схватил его за голову и потряс ее. — Кто? Скажи — и я отправлю твою душу к Престолу Упокоения.

— Кому я там нужен? — засмеялся было Го, но закашлялся и забрызгал лицо мага кровью. — На мне трупов столько, что я и сам не зна-а-а...

Речь сменилась хрипом, Толстый Го дернулся и затих. Одновременно с ним, выгнувшись дугой, отдал богам душу и тот молодой человек, из-за которого начался весь этот сыр-бор.

— Вот же досада какая! — Маг всплеснул руками. — Агриппа, в жизни бы не подумал, что я могу проиграть сразу все. Барон мертв, и я даже не представляю, кто захотел забрать его жизнь. Зачем — понятно, но кто?

— Да кто угодно, — невозмутимо ответил ему Агриппа, втыкая лезвие своей шпаги в горло того бандита, которого укусила змеюка. Хотя он и так отошел бы в мир иной минут через пять, какой в этом был смысл? — Мало ли у вас закадычных врагов?

— Их у любого мага немало. — Старик топнул ногой. — Но никто даже предположить не мог, что я буду здесь. Никто! Я только вчера принял решение о том, чтобы завернуть в этот город, ты ведь это прекрасно знаешь.

— Предположить и просчитать — это разные вещи. — Агриппа огляделся вокруг себя. — Мастер, вы мудры, равных вам на землях всего континента можно счесть по пальцам одной руки, но это не означает, что вас невозможно просчитать. Я лично как-то раз сумел это сделать, вы должны помнить тот случай. Почему кто-то другой не сможет повторить подобное?

— Видимо, ты прав, — признал маг, нагибаясь над лежащим в луже крови трупом юноши. — И если так, то тот, кто за этим стоит, действовал масштабно. Представь себе количе-

ство вариантов развития событий. Выходит, он в каждом из городов держал подобную шайку, а это очень недешево.

— Всего лишь вопрос технического характера. При наличии нескольких толковых подручных и достаточного количества средств он решается быстро и эффективно. — Агриппа направился к куче мусора в углу сарая, за которой притаился я. — И еще. Мастер, это мог быть не «он». Это могла быть «она». Не сбрасывайте со счетов магистрессу Эвангелин и магистрессу Виталию.

— Они бы действовали по-другому. — Маг скривился. — Это дамы, они не терпят насилия. Яд в бокал вина или змея в постель — это да. Но бандиты, отребье с улиц?

— Предубеждения! — Агриппа застыл рядом с мусором; я видел подметки его сапог, добротные, из буйволово́й кожи, и каблуки с подковками. Дорогая обувь, такие сапоги под полсотни золотых стоят. — Времена меняются, мастер, традиции и привычки тоже меняются, это необходимо признать и принять. Замечу: магистресса Эвангелин поняла это еще пару лет назад и запросто могла сработать на парадоксе. Магистресса Эвангелин — сильный противник. И вас она ненавидит так, как никто другой.

— Может, поднять его из мертвых? — Маг глянул на тело Толстого Го. — Да порасспросить?

— Это запрещенный ритуал, — отозвался Агриппа. — Впрочем, вам закон не писан, я к этому давно привык. Но прошу учесть, что мы в городе, причем густонаселенном. Тут наверняка квартирует представительство ордена Истины, а то и полноценная миссия. Охота вам потом с черными братьями объясняться?

Прав этот Агриппа — миссия ордена Истины у нас в городе Раймилле полноценная, со старшим отцом, тремя отцами-наставителями, двумя десятками братьев-ищеек и дюжиной братьев-эксекуторов. Столица королевства как-никак, это обязывает. Я-то не раз у них в здании бывал, они каждую неделю устраивают бесплатный обед для неимущих, напоминая: «Орден для народа, а не народ для ордена». Формализм у них в крови, что не слишком удивительно, особенно если знать их историю. Я эту самую историю знал, во время бесплатных обедов кто-нибудь из отцов-наставителей не-

пременно ее рассказывал, чтобы люди осознавали, у кого они в гостях. Да и про магов от них же я слышал немало.

Орден Истины появился лет триста назад, в те времена, которые позже называли Веком смуты или Веком перемен и которые изменили лицо всего нашего мира, носящего название Рагеллон, от Ледяных островов на севере до Южного океана. Еще Рагеллон иногда называли мудреным словом «континент», я даже не знаю почему. Но слово красивое.

Так вот, триста лет назад по какой-то причине почти одновременно, всего-то за год-два, испустили дух представители почти всех родовитых фамилий Рагеллона, включая королевские, причем мор косил их под корень, до пятого колена. Вряд ли это было случайно, но никто так и не докопался до истинной причины. Да и не слишком-то расследовали — не до того всем было. Пустых престолов оказалось много, а претендентов на них — еще больше. И у каждого из претендентов, даже самого убогого, нашлись последователи, которые всячески пытались посадить своего принцепала повыше. Плюс под шумок особо лихие авантюристы, не мудрствуя лукаво, начали перекраивать давно размежеванные границы королевств.

В результате мир захлестнула война. Все резали всех, в ход шли любые методы и средства, люди просто осатанели от насилия и крови.

Неудивительно, что скоро сталь перестала быть единственным способом упрочить свои позиции, к ней на помощь пришла магия. Причем конечно же черная, ибо белое чародейство не для войны.

Кто из сильных мира сего первым разрешил снова отправлять древние ритуалы магии ночи и смерти, неизвестно, но вслед за ним, наплевав на Круг магов, все королевства позволили практиковать запрещенное колдовство открыто, не боясь наказания. А может, и никто не разрешал, может, чернокнижники сами решили вернуть себе свои права.

Зашевелилась земля на кладбищах, и оттуда полезли мертвые, чтобы терзать живых. На старых капищах вновь установили деревянных идолов, и их рты были густо измазаны свежей кровью. В ущельях Холодных гор за клубился фиолетовый туман, вдохнув который, человек забывал все, что

знал. На дверях деревенских домов, как в старые времена, появились венки из терновника, который, по поверьям, отводит злой взгляд и черные души.

Безвластие породило насилие, насилие призвало зло, а зло всегда плевать на все и всех, у него свои цели.

Черные маги, колдуны, ведьмы — все те, о которых люди давно забыли, оказывается, вовсе никуда не сгнули. Они просто где-то отсиживались все это время и ждали своего часа. И дождались.

Уже очень скоро те, кто дал им свободу, пожалели об этом. Ученики Тьмы не собирались никому отвоевывать престолы, их интересовала только собственная судьба и вся та власть над людьми, до которой они могли дотянуться. Нет, они могли посадить на трон удобного для них человека, но при условии, что он будет играть по их правилам и им на пользу. Личные интересы новоявленный правитель должен был держать при себе, являясь, по сути, не более чем марионеткой в чужих руках.

Дальше все было просто. Слуги Зла опять допустили ошибку, которая стоила многим из них жизни. Просто они никогда не умели объединяться, в отличие от своих коллег, практикующих магию света и жизни.

Отдельно стоит заметить, что маги разных конфессий и школ никогда друг с другом без нужды не воевали. Они превосходно уживались, ведь делить им было нечего, да и методы у них разные. Правда, если дело доходило до личных интересов, вроде власти или денег, могло произойти все что угодно. Впрочем, подобным грешат все — и маги и обычные люди. И еще спорный вопрос, кто больше.

Впрочем, светлые маги в тот раз тоже опростоволосились. Точнее, опоздали. Они тогда прекрасно поняли, к чему идет дело, и терпеливо ждали, когда люди неодаренные явятся к ним с поклоном и просьбой о помощи. Конклав магов Света даже подготовил список требований — плату за свою помощь.

Но вот только эта самая помощь обычным людям не понадобилась. Впервые в истории Рагеллона они сами решили проблему, связанную с магией.

Все началось в самом большом городе континента, в столице королевства Айронт — Миклайте. И, как это водится, причиной схода огромной лавины оказался маленький камешек.

Капитан королевской гвардии Диорд, вернувшись домой, застал жену в слезах и очень быстро выяснил, что послужило тому причиной. Оказывается, их шестилетнюю дочь час назад без каких-либо объяснений забрал черный маг из ордена «Кубок Ночи», того самого, адепты которого два года назад возвели на престол короля и после этого творили в Айронте все, что им заблагорассудится.

Диорд кинулся к зданию ордена, но было поздно — его малышку уже принесли в жертву во время какого-то жуткого ритуала. Все, что от нее осталось, — платишко да отрезанная под корень косичка светло-русых волос. Их, словно в издевку, отдали почерневшему от горя капитану два молодых и очень наглых послушника ордена.

Лучше бы они этого не делали.

Капитан не стал топить горе в вине, не стал винить во всем жену, не углядевшую за дочерью, и бить себя кулаками в грудь. Нет. Он пошел к своим воинам и спросил у них:

— Братья, как долго эти проклятые чародеи будут терзать нас?

Он сказал еще много чего. Сначала — гвардейцам, а после — и горожанам, которые внимательно его выслушали. И вечером люди, ведомые капитаном, разнесли по кирпичику башню, где обитал «Кубок Ночи», и сожгли ко всем демонам ее обитателей.

И — что примечательно — никто из горожан при этом не умер. И проклятие ни на чью голову не упало. Маги просто с воплями передохли на шестах в пламени — и все.

Такие вести разносятся быстро, а люди, уставшие от страха, легко усваивают то, что им выгодно.

Костры зачадили везде — в больших городах и маленьких деревнях, в горных селениях и лесных поселках. Народ начал так лихо уничтожать магов, что даже не слишком разбирался, черные они или светлые? Чародей? Пожалуйте на костер!

При этом как-то сами собой прекратились междоусобные войны, кое-кто даже поговаривал о том, что именно маги их

и раздували. Не исключено, что так оно и было на самом деле.

В какой-то момент дошло до того, что чуть ли не впервые с начала времен маги всех конфессий собрались на один общий совет. Какие там дрязги и старые обиды, когда вероятность полного истребления чародеев.

На этот совет были призваны и повелители людей, те самые, которые буквально недавно у магов с ладони ели. При чем держались они теперь более чем уверенно.

И уже обычные люди выставили магам неподъемный счет, который те обязаны были оплатить в обмен на жизнь. Или, как вариант, смириться и более не претендовать ни на что в этом мире. Маги выбрали последнее, им просто не оставили выбора.

По сути, этим и закончился Век смуты. Были снова определены границы королевств, правда, государств стало куда больше, чем раньше, но это мелочи. Новые короли сели на свои престолы, и магически неодаренные люди стали истинными хозяевами континента. Ну а чародеи получили право на жизнь и ряд обязанностей, от которых нельзя было отвертеться. Магам было запрещено занимать любые значимые должности в государстве. Такова была цена их медлительности и заносчивости.

А еще возник орден Истины. Организация, которая следила, чтобы обладатели магического дара не позволили себе чего лишнего.

Нет, о каком-то тотальном контроле над магами речь не шла, но отныне они всегда помнили о том, что дверь в их башню, замок или просто дом может в какой-то момент рухнуть, в пустой дверной проем войдут крепкие молчаливые люди в черных балахонах, а дальше все будет очень плохо. Дальше будет колючая веревка, шершавое дерево за спиной и дым, который распирает грудь, заставляя неудержимо кашлять. А потом — боль до самой смерти. И слушать их никто не станет, поскольку говорить будет нечем — язык им вырвут сразу же, еще в доме.

И нет от этого спасения. Чародей — это чародей, но он один, а обычных людей — много. Даже если он силен в боевой магии, то это его не спасет. В самом крайнем случае его

просто завалят телами — вот и все. А в замкнутом помещении, со связанными руками и вырванным языком не больно поколдуешь.

Шли десятилетия, жизнь на континенте устоялась, ужасы Века смуты потихоньку забылись. Маги понемногу восстановили позиции в обществе (правда, к власти их больше не подпускали, это правило было незыблемо), а служители ордена стали заниматься побочными делами. Например, открывали школы для детей бедняков, кормили бездомных и культивировали здоровый образ жизни среди населения.

Но свое главное дело, для которого был создан орден, они не позабыли, а потому темный ритуал, о котором упомянул маг, не мог пройти мимо них, были у братьев-ищеек свои способы узнавать о подобном.

И с огромной долей вероятности очень скоро этому магу пришлось бы отвечать на вопросы отца-наставителя. Почему он убил этих людей? И зачем призвал душу одного из них из Темных Пределов? И не замышляет ли он создать армию мертвых для свержения законной власти в этом королевстве?

— Твоя правда, — вздохнул маг. — Объясниться-то я объяснюсь, но сколько времени уйдет на это! Хотя теперь оно у меня есть. Нет, ну вот как же обидно — опоздали-то всего ничего, минутой раньше — и барон остался бы жив. Вот он, минус заклинаний слежения — направление они указывают верно, но на местности совершенно бесполезны.

— Мастер, а давайте поговорим с вот этим юношей. — Меня схватили за шиворот и выволокли из-под трухлявых досок, куда я забился в тот момент, когда маг только появился на пороге. — Может, он нам расскажет что-то такое, чего мы не знаем?

Силы Агриппа был невероятной. Он держал меня на вытянутой руке, абсолютно не напрягаясь. Я хоть и не такой тучный, как мой приятель Бубука, но все-таки и не куриное перышко, которое ничего не весит.

— А давай. — Маг подошел ко мне. — Нуте-с, юноша. И как вас зовут?

— Костежог, — немедленно ответил я. — Костежог из Портового квартала. Я тут просто ночевал, а как эти пришли, сразу спрятался. Я их вообще впервые вижу. Правда-правда.

— Что примечательно, Агриппа, — сказал своему спутнику маг. — Он очень, очень хорошо держится. И говорит так... Уверенно, что ли. Молодец.

Маг задумчиво осмотрел меня с головы до пят. Я сделал то же самое.

Чародей был очень стар, куда старше, чем мне показалось поначалу. Ему, наверное, было лет двести, если не больше. Они, маги, живут очень долго. Наставник Джок говорил мне, что они вообще могут жить вечно, если их не убить.

А вот умирают они так же, как и обычные люди, если со знанием дела им удар нанести. В сердце там или в голову. Но бить надо непременно насмерть, чтобы на тебя проклятие не успели наложить.

— Так кто ты? — подозрительно дружелюбно поинтересовался маг у меня. — Только называй свое подлинное имя. Давай не будем тратить наше общее время.

— Как тебя зовут? — без сантиментов тряхнул меня Агриппа. — Чем занимаешься?

— Крис, — неохотно пробурчал я, понимая, что на этот раз врать не стоит. Почему-то я точно знал, что вранье мне выйдет боком. — Крис Жучок. Я ученик при мастере-воре Джоке Трехглазом.

— Что за имена, Агриппа, — вздохнул маг. — И где эти имена в ходу? В королевстве Форсхейд, том самом, где двести лет назад зародилось великое искусство белого стиха. Нет, падение нравов просто ужасает.

— Хорошее имя, — пробурчал я. — Что вам не нравится-то?

— Поговори еще. — Меня тряхнули без особой жалости.

— Дискуссия — это прекрасно. — Маг ухватил меня за подбородок неожиданно сильными и холодными пальцами и уставился мне в глаза. — Зачем вы убили вон того юношу? Кто вам приказал это сделать? Кто вас нанял?

— Да не знаю я! — Мне захотелось завывать в голос. Я и вправду этого не знал, но никаких доказательств своих слов привести магу не мог. — Го, вон тот, который вас послал перед смертью, сказал мне, чтобы я заманил этого дворянчика в переулочек, а там его уже сам принял, вместе со своей капеллой.

— Капеллой? — нахмурился маг.

— Ну да. — Я поводил глазами по сторонам. — Вон она вся... Валяется.

— Бандой, — пояснил Агриппа. — Сколько городов — столько названий. Дальше говори.

И меня снова тряхнули. Пресветлая Лионелла, до чего же он силен! Столько времени меня на вытянутой руке держит — и хоть бы хны.

— Я Го две недели назад проигрался в кости, — немедленно продолжил я. — Остался должен. Добро бы деньги, а то ведь не их, а дело. Одно дело. Игорный долг — святое, так что деваться некуда было. Ну, я вашего парня и заманил в переулочек. Это я умею, это часть моей профессии.

— Молодой барон был умен и осторожен, — заметил маг. — Да и потом — чем оборванец вроде тебя мог его заинтересовать? Ну не шляхами же?

— Кошель у него срезал, — вздохнув, произнес я. — И дал ему себя заметить. Это наш обычный трюк. Человек за тобой бежит, попадает в один из переулков Портового квартала, а там его и... Только я же не знал, что Го его убивать будет! Думал — разденут, как обычно, может, еще по голове палкой треснут, чтобы он скис. Кабы я знал, что они смертоубийство задумали, то под это дело не подписался бы ни за какие коврижки!

— А игорный долг? — засмеялся Агриппа. — Он же — дело святое?

— Долг долгу рознь. Я вор, мое дело — чистить чужие карманы, а не железкой людям в пузо тыкать. Толстый Го тоже был вор, не знаю, с чего он смертоубийствами решил заняться.

Ну, насчет железки и пуза я немного приврал. Нет, убивать мне не доводилось, но если бы речь шла о моей жизни, то еще неизвестно, как бы все обернулось.

— То есть ты вообще ничего не знаешь? — Маг пропустил мои слова мимо ушей. — Кроме того, что уже рассказал.

— Ну да. — Я покивал. — Они этому вашему барону руки в переулке заломили, рот тряпкой заткнули и сюда его отволокли. И меня — тоже, не успел я пятки салом смазать. Думаю, если бы не вы, то они бы и меня тоже прирезали, так что спасибо вам, дяденьки, за помощь.

— Хитер. — Маг засмеялся. — Агриппа, мы теперь вроде как его спасители, нет у нас морального права его жизни лишать. А он мне определенно нравится.

Маг подошел к трупу своего знакомого и покачал головой:

— Но вот что теперь нам делать? Барон мертв, все планы разрушены. А что мне говорить коллегам?

Он поковырял носком сапога лужицу уже свернувшейся крови, которая натекла с трупа, склонил голову на плечо, осмотрел покойного, а после повернулся к нам.

— Агриппа, отпусти-ка нашего нового приятеля.

Я наконец ощутил под ногами пол. Это было приятно.

— Рост тот же. — Маг задумчиво окинул меня взглядом с головы до ног. — Внешне — да, ничего общего, но рост и сложение... Более чем.

— Мастер, это бредовая затея. — Агриппа фыркнул. — Где барон и где — этот оборванец из доков? Такое даже в дамских романах не пишут, а уж они — энциклопедия глупостей.

— Так ты их и не читай, — посоветовал ему маг. — Ну да, идея сомнительная, но все же лучше, чем ничего.

— Мастер, мы можем еще успеть захватить в Лисий бор. — Агриппа подошел к магу — Подберем там экземпляр получше, не думаю, что ваш друг Антиох откажет вам в такой любезности.

— И я буду у него в долгу, — сморщился маг. — Да долг — это еще ладно, но он будет знать о том, что я затеял. И о том, что ему рассказывают далеко не все. И самое главное — если я возьму для нашего дела его ученика...

— То он все сначала будет рассказывать мастеру Антиоху, а уж потом — вам, — продолжил Агриппа. — Признаю, сказал глупость.

— Не то беда, что он сначала будет рассказывать все ему, — назидательно произнес маг. — То беда, что я буду получать только ту информацию, которую соизволит мне выдать Антиох, а уж он ее будет дозировать наверняка. Дружба — тогда дружба, когда люди стоят на одной ступени, вровень и между ними нет ничего, что отличает одного от другого. Любое различие рано или поздно делает эту дружбу или покровительством, или соперничеством.

— Здорово сказали, — искренне произнес я. — Прямо до костей пробрало.

— Парень, ты это бросай, — посоветовал мне Агриппа. — Моего хозяина лестью не проймешь, поверь. Если он решит тебя отправить за Грань, он это сделает. Захочет отпустить — отпустит. Независимо от того, будешь ты к нему подмазываться или нет.

— Да, я такой. — Маг посмотрел на Агриппу. — Ты знаешь, я все-таки склоняюсь к мысли о том, чтобы попробовать его использовать.

— Мастер, я продолжаю утверждать, что из него барон — как из меня капельмейстер, — упорствовал Агриппа.

— Аргументируй, — предложил маг.

И тут я понял: если Агриппа победит, скорее всего, меня, как он выразился, «отправят за Грань». Красивое словосочетание, но для меня очень и очень неприятное. Вот только так и будет. Вряд ли этот очень умный дядька-маг стал бы упоминать свои планы и какие-либо имена в присутствии того, кто потом это сможет кому-то рассказать. Он просто меня даже в расчет не брал. Да и чего ему бояться-то? Что кто-то спросит с него за смерть бездомного мальчишки-воришки?

— Ладно еще рост и сложение. Но внешность? — начал Агриппа, и маг, загнув один палец, немедленно ответил ему:

— А кто барона в лицо-то знает? И кто его вообще хоть раз видел? Даже не так. Скажи, кто видел хоть одного барона из Лесного края в благословенном герцогстве Химмельстайн, куда мы с тобой и везли нашего уже покойного приятеля? Этих баронов даже при соседних от Лесного края королевских дворах в лицо не знают, что уж об их детях говорить. А наш был даже не наследник, третий сын. Вспомни, его папаша мне чуть ли руки не целовал, когда я его забирал. И прощался с ним так, что было ясно — больше они в этой жизни не увидятся.

— Ладно. — Агриппа кивнул. — А манеры? Где барон — и где вот это?

— Одно от другого не отличается. — Маг засмеялся — Бароны с окраин не лучше дикарей. Тебя же первого перекосило, когда ты увидел, как у них собаки тарелки облизывают.

Тут вообще вопрос спорный, у кого манеры лучше. Сдается мне, что воришка из столицы достаточно просвещенного королевства знает поболее, чем барон из медвежьего угла. Другой разговор — грамотность. Вот это — да. Читать-писать наш с тобой конфидент умел, а вот этот господин Жучок...

— Так я ж умею! — чуть не захлопал в ладоши я. — И читать и писать! На общем языке, и на фальконском, и даже руны Ледяных островов немного знаю!

— Что ты говоришь! — обрадовался маг. — Вон как! Нет, все-таки хороший король Эгиберт Пятый, заботится он о всеобщем образовании своих подданных. Даже ворье на улицах грамоту знает.

— Меня это скорее настораживает, чем радует, — хмуро заметил Агриппа, и меня снова ухватили за воротник. — Ладно общий язык, но откуда этот прошельга знает фальконский и тем более руны, пусть даже и немного?

Общий язык — он и был общий, на нем говорил весь Рагеллон, от Южного океана до Лесного края, а вот фальконский язык и вправду знали далеко не все. Это был язык эльфов, которые испокон веков жили в своем закрытом от большого мира королевстве на восточной оконечности континента. Да и руны нордлигов с островов использовались крайне редко.

— Слу-у-ушай... — Маг задумчиво глянул на меня. — А ты, часом, не принц в изгнании? Или, может, тебя похитили из отчего дома, и теперь тебя разыскивает безутешная графиня-мать? Мне, знаешь ли, совершенно ни к чему, чтобы в самый ответственный момент выяснилось, что ты отпрыск знатного рода и кровь предков призывает тебя принять ключи от родового замка.

— Не-а, — с непритворным разочарованием ответил я. — Безродный я, это абсолютно точно. Кабы так было, как вы говорите, то я давно бы уже заявил свои претензии на часть имущества. Или вовсе спровадил на тот свет всю родню, чтобы все себе захватить. Я не жадный, но деньги люблю.

— Еще один аргумент, причем весомый. — Маг посмотрел на Агриппу. — Принципов мало и корыстолюбив.

— Нас же и продаст при случае. — Видимо, я очень не нравился этому здоровяку. — Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

— Подъедался при одном дворянском доме, — решил я и в этот раз не врать. Кто его, мага, знает, он, похоже, враки нутром чувствует. — Там ихнего сынка всяким наукам учили, так меня с ним за компанию в классе сажали, чтобы ему не скучно было. Ну и чтобы он понимал, насколько умен он и туп я. Слушать мне было можно, а отвечать — нельзя.

— Прогрессивный метод, — признал маг. — Сейчас такое модно. Я что-то подобное и предполагал — очень у тебя речь чистая, и мысли ты излагаешь более-менее связно. Агриппа?

— Признаю, — согласился тот. — Да, вот еще что. Благородным оружием он наверняка владеть не умеет. Этому его точно не учили.

— Уже и не знаю, чего от него еще ждать, — с надеждой глянул на меня маг. — Шпагой махать умеешь?

— Не умею, — разочаровал я. — Разве что ножом орудную неплохо. Еще на шестах драться могу, но так, не ахти. И, само собой, кулаками махать обучен, у нас без этого никак.

— Шесты. — Маг щелкнул пальцами. — Уже что-то. Время у нас есть. Хоть и мало, но есть. Основные стойки шпажного боя ты ему покажешь по дороге.

— По дороге куда? — уточнил я. — Не то чтобы я был любопытным, но...

— По дороге туда, куда надо. — Маг подошел ко мне и потрепал меня по голове. — Всеу свое время.

И тут он меня так дернул за волосы вверх, что аж слезы из глаз брызнули.

— И не думай, что ты получил свою жизнь обратно, сынок, — очень тихо, очень ласково и очень страшно сказал он мне. — Я тебе даю ее взаймы, и пока — не более того. Даже не твою жизнь я тебе одалживаю, а жизнь вон того парня, барона Эраста фон Рута, третьего сына в своем баронском захудалом роде. Теперь ты — это он. И сбереги тебя все боги, сколько их есть на этом свете, хоть немного меня разочаровать или подвести. Я очень и очень добрый человек, в этом твоя проблема. Злые люди просто убивают. А добрые... Прости за пафос, но добрые продлевают смерть до тех пределов, за которыми начинается безумие.

ГЛАВА 2

— И в мыслях не было! — взвыл я. — Господин маг!

— Не ври мне, мальчик. — Ощущение было такое, что мне сейчас голову открутят. — Я знаю все, о чем ты думаешь, и твои планы незатейливы так же, как и ты сам. Соглашаться со всем, что говорю, поддакивать, кивать головой и смыться при первом удобном случае — вот что ты задумал. А если повезет, то еще и стянуть мой кошелек.

Ну, про кошелек он не угадал. Я что, дурак — у мага деньги тырить? Не на его мощну я нацелился, на Агриппину. Но в целом — все так. Мне бы только за пределы складов выбраться, а там — ищи ветра в поле. Найти вора в районе тех же доков не сможет даже королевская стража.

— Дурачок ты, дурачок, — как-то совсем по-отечески сказал маг, отпустил мои волосы и очень ловко перехватил руку. — Я таких, как ты, видел столько, сколько в ином городе жителей нет. И все вы одинаковы.

Руку пронзила боль — маг чиркнул кончиком кинжала, который невесть когда и откуда вынул, по моему запястью. Надо же, какой он у него интересный — серебряный, а в рукоять красные камушки вделаны. Рубины небось. Вот такую бы штучку спереть...

— Великое дело — кровь, — причмокнул маг, разглядывая лезвие своего кинжала, измазанное моей кровушкой. — Для кого-то — еда, для кого-то — жизнь... А для нас, магов, — самый мощный инструмент, самый необходимый ингредиент. Знаешь ли ты, Эраст, о том, что именно кровь является краеугольным элементом в каждом втором обряде или ритуале?

— Крис, — робко напомнил я магу. — Меня зовут Крис, почтеннейший.

И моя голова немедленно дернулась в сторону — это маг, вроде бы и небрежно, хлопнул меня рукой по щеке. Старый ведь и бил без замаха, а гляди-ка ты, будто молотком мне по башке саданули. Сильный он, оказывается.

— Тебя зовут Эраст, — беззлобно напомнил он мне. — Эраст фон Рут, третий сын барона Йохима фон Рута. Ничего, родословную по дороге выучишь. А Крису Жучка больше нет, он умер сегодня, здесь, в этом сарае. Не исключено, что

он когда-нибудь воскреснет из мертвых, при условии, что ты сделаешь все так, как я тебе прикажу. Но это вряд ли, ты сам подобного не захочешь.

— Чего это? — изумился я. — Мне это имя при рождении дали, в честь Кристофера Робинса, отважного охотника на медведей и кабанов. Я им горжусь.

— Это имя воришки и неудачника, обитателя городского дна. — Маг одобрительно посмотрел на Агриппу, который начал стаскивать трупы в центр сарая. — В ближайший год, а может, и более того, ты будешь жить среди тех, кто совершенно не похож на людей твоего нынешнего круга. И, поверь мне, когда все закончится (если ты доживешь до этого дня), ты сам не захочешь возвращаться туда, откуда начал свой путь. Общество задает тон и формирует личность. Пообщавшись с теми, кто нравственно выше, лучше и умнее тебя, приблизившись к ним и став почти таким, как они, ты добровольно не захочешь снова опуститься. Это не я придумал, такова сущность человеческая. Вынужденно — запросто, но вот доброй волей...

Пресветлая Миралина, это куда он меня запихнуть хочет?

— Так-с. — Маг отпустил меня, перед этим еще разок пошерудив острием ножа в уже подсыхающей крови на моей руке. — Пока мы болтаем, кровушка сворачивается, а это нам ни к чему. Нуте-с, не дергайся, ничего плохого с тобой не случится.

Агриппа, который как раз закидывал на труп Толстого Го обезображенное тело Гусеницы, громко захохотал.

Маг приложил мне ко лбу палец правой руки, в левой он по-прежнему держал кинжал с размазанной по лезвию кровью.

Он подмигнул мне и нараспев произнес несколько слов на неизвестном мне языке. Это был не общий язык, и не фальконский, и даже не речь суровых гномов, которые обитали под Алинарскими горами, я ее на рынке слышал. Впрочем, я почти тут же смекнул, что к чему, но догадка эта не сильно меня порадовала. Этот седобородый старикан сейчас делает то, что умеет, — колдует, причем волшба его направлена на меня.

Да и не слова это никакие, а магические формулы, про всякие такие штуки в свое время мне рассказывал старый беззубый Руфус в ночлежке, а он об этой жизни знал все, без дураков. По слухам, некогда он был дворянином и царедворцем, высоко сидел, далеко глядел и с золотой посуды серебряной вилкой ел. Более того, он, несомненно, знал больше, чем следовало, поскольку в одно прекрасное утро мы его обнаружили с перерезанной глоткой. А жаль, он щедро делился своими знаниями, и многое из того, что он нам, бездомной мелкоте, рассказывал, осело у меня в голове. Память-то у меня хорошая, если чего хоть раз увидел или услышал, сроду не забуду.

Лоб обожгло, моя кровь на лезвии кинжала вспыхнула синеватым огнем, а по моим венам как будто прокатилась волна тепла.

— Крепок, — одобрительно проворчал маг, глядя на меня. — Врожденная ментальная защита у тебя на диво хороша, это будет тебе отличным подспорьем.

— В чем подспорьем? — Меня замутило, я неотрывно смотрел на лезвие кинжала, где огонь растерял синеву, сменив ее на ярко-желтый цвет.

— В будущем, — сообщил мне маг и громко выкрикнул какое-то непонятное слово.

Огонь из желтого стал красным, крыша сарая закружилась как карусель на главной площади города в день большого ярмарочного гулянья, и я потерял сознание.

— А я тебе говорю, Агриппа, хорошо он держался. — Голос мага был первым, что я услышал, придя в себя. — Он отключился только на третьей фазе привязки, а это ритуал из пограничных, не забывай.

Судя по тому что в нос мне бил запах кожи и пота, Агриппа нес меня на плече. Надо же, как трогательно.

— А что такое «пограничный»? — не удержался я от вопроса. — И зачем вы вообще это делали, если не секрет?

— О, очухался.

Я немедленно пожалел, что подал голос.

Агриппа, поняв, что сознание ко мне вернулось, тут же без особых церемоний сбросил меня с плеча прямо на землю.

— Дальше сам пойдешь, — буркнул он себе под нос.

— Пойду, — покладисто согласился я, понимая, что кому-кому показывать свой гонор, так только не мне и не сейчас.

— Пытливость — прекрасное качество. — Маг в высшей степени любезно протянул мне руку. — Итак, тебя интересуется, что такое «пограничный ритуал»?

— Ну да. — Я отряхнул зад. — И еще — какое это имеет отношение ко мне? Мастер... э-э-э... А как вас зовут? Вон того — Агриппа, я запомнил, а ваше имя — нет.

— Это потому, что его никто и не называл, — пояснил маг. — Зачем какому-то мальчишке, тем более такому шустрому, как ты, его знать? Но теперь все встало на свои места, так что давай знакомиться. Зовут меня Гай Петрониус Туллий, но ты можешь называть меня «мастер Гай». Я маг девятой ступени посвящения и принадлежу к ордену «Силы Жизни».

Из всего этого я понял только то, как его зовут. Все остальное вроде бы и было сказано на общем языке, но для меня лично осталось загадкой. Образования мне не хватает, чтобы все это понять. Хотя про степени посвящения я от Руфуса слышал, и выходит, что этот Гай Петрониус Туллий — важная птица. Всего этих степеней девять, первая доставалась магу вместе с вручением посоха, а девятая была последней ступенькой к вершине магической иерархии — званию архи-мага.

— Не морщи лоб, — попросил меня мастер Гай. — Все мое время, я тебе многое объясню и много чего расскажу. Все, что тебе следует знать, если быть более точным.

Учиться я любил, а потому подумал: «А может, и не делать ноги от этого старика? Ну да, он жутковат, зато знает много чего. Опять же кормить, наверное, будет. Если с собой тащит куда-то, то подохнуть от голода, наверное, не даст».

— А у тебя и не получится сбежать, — усмехнулся маг, и я щелкнул зубами, решив, что высказал свои мысли вслух. — Теперь — не получится.

Агриппа засмеялся, глядя на меня.

— Юноша, я очень стар, — мягко произнес мастер Гай. — И потому твое лицо для меня — как открытая книга, прости за банальное сравнение, избитое романистами всех мастей и

пошибов. Что поделаешь, есть расхожие штампы, и от них никуда не деться. Да, вот что еще, мне на заметку. Твоя мимика — над ней тоже надо будет поработать, и основательно. Агриппа, это беда какая-то. Дел — море, а времени — в обрез.

— У меня тут еще один вопрос образовался. — Решив, что хуже, чем есть, уже не будет, я подергал мага за рукав. — А почему...

— Не выйдет сбежать? — понимающе кивнул мастер Гай и достал из кармана дорожного кафтана маленькую прозрачную мензурку из восточного стекла. Очень дорогая штука, я такие видел на рынке. — Вот, смотри.

В мензурке был какой-то песок, переливающийся всеми цветами радуги. Было его немного, и, глядя на него, я ощутил холодок внизу живота. Не знаю, как, но я сразу понял, что там, за стеклом, смертушка моя.

— Нет, какой смышленный. Зря я тебя недавно незатейливым назвал, — восхитился мастер Гай. — По глазам вижу — не знаешь, что это такое, но догадался, что вещь непростая. Гляди-ка!

Он провел пальцем по стеклу и что-то шепнул. Песок внутри закрутился миниатюрным вихорьком, и по моим жилам как будто жидкий огонь пробежал.

— Во-о-от, — наставительно поднял палец маг. — Это я всего лишь просто показал тебе, что к чему. Твоя кровь, а стало быть, и твоя жизнь, теперь в моих руках. Если ты сбежишь, или будешь непокорным, или просто учудишь что-то такое, что мне очень не понравится, я тебя ловить и ругать не стану. Я просто заставлю твою кровь кипеть в жилах, как масло на сковороде.

Он снова провел по стеклу мензурки пальцем, но уже куда сильнее. И мне показалось, что сейчас все мои вены просто взорвутся, так они напряглись.

— У тебя есть еще вопросы? — Маг мне подмигнул.

— И много. — Голос у меня дрожал, колени подгибались, но я все еще был жив. А пока ты жив, следует жить, так меня учил Джок. — И самый главный — вы когда-нибудь отдадите мне эту стеклянную штучку? Или я теперь навеки ваш раб?

— А может, и не такой уж пропащий этот оборванец, — заметил Агриппа. — По крайней мере, держится он неплохо.

Куда лучше, чем та слякоть в камзолах, что ходит в ваш дом со своими просьбами.

— Он вырос на улице. — Мастер Гай убрал мензурку в карман. — Там выбор невелик — или у тебя выковывается характер, или ты просто умираешь. Я знаю. Я сам так рос. Что до твоего вопроса, мой мальчик... Я подарю тебе твою жизнь после того, как ты сослужишь мне службу. Хорошо сослужишь, на совесть. Даю в этом тебе слово. Более того, если все закончится так, как мне того хочется, и ты после этого будешь жив, я тебя еще и вознагражу. Поверь, это будет хорошая и справедливая награда.

Награда — это хорошо, но вот упоминание о том, что я могу по дороге к ней голову сложить, мне не понравилось.

— Мастер, надо бы идти. — Агриппа повертел головой. — Вон как разгорелся костерок, скоро тут стражи будет много. Зачем нам эти объяснения с орденом?

Я посмотрел туда же, куда он, и присвистнул. Судя по всему, полыхал тот самый сарай, в котором капелла Толстого Го нашла свой конец, а я обрел на свою голову то ли хозяина, то ли работодателя. Горело славно — дым валил сизыми клубами, и даже языки пламени видны были. И еще мне показалось, что и соседние сараи занялись уже. Если это так, то к ночи от этого места останется лишь пепелище. Как бы огонь на город не перекинулся!

— За умышленный поджог городской собственности дают пятьдесят плетей и полгода каменоломен, — тревожно сообщил я магу. — А за такой... Могут и повесить, у судьи Адамса характер тяжелый. Так мне знающие люди говорили.

— Не будем конфликтовать с королевским правосудием, — согласился со мной мастер Гай. — Да и вообще в этом городе делать нам уже нечего. Пора в путь!

И маг бодро зашагал туда, где уже гудела многоголосьем улица и слышались вопли: «Пожар!»

— Я так и не понял — куда мы едем-то? — спросил я у Агриппы, который только ухмыльнулся на слова своего хозяина.

— А тебе какое... — услышал я уже привычные слова, но, к моему величайшему удивлению, он эту фразу до конца не договорил, а сообщил мне вполне нормальным тоном: — Дал-

ко, барон, далеко. Аж в герцогство Химмельштайн. Слышал про такое?

— Не-а, — помотал головой я. — Это где-то недалеко от Западного океана?

— Не то чтобы так, но — да, — подтвердил Агриппа.

— У-у-у, — протянул я. — Не близко. Дыра небось еще та.

— Дыра. — Агриппа пожал плечами. — Так герцогство ведь, не королевство даже.

Как-то давно мне довелось увидеть карту Рагеллона, представилась такая возможность. И я поразился тому, как она напоминает «одеяло дружбы», которое сметал на коленке из разноцветных лоскутов какой-нибудь подвыпивший подмастерье портного.

После Века смуты, который изменил лик Рагеллона раз и навсегда, старые границы государств были забыты, а чтимые веками порядки и законы рассыпались, как карточный домик. Но на их обломках, как грибы после дождя, появились новые молодые королевства, причем самых разных размеров, и, как правило, величина государства зависела от того, какое войско оно могло выставить единовременно и какое именно приданое досталось новому королю от старых времен. Ну и от воли нового правителя, конечно.

Например, Айронт, до того небольшая держава, по воле короля Линдуса Первого и благодаря тому, что именно на этой земле зародился орден Истины, очень быстро, буквально лет за десять, значительно прирос землями, а сейчас и вовсе был первой скрипкой в оркестре Центральных королевств. Замечу отдельно — король Линдус Восьмой, который в настоящий момент сидел на престоле Айронта, во многом единолично определял политику Рагеллона, и к его мнению прислушивались не только ближайшие соседи, но и эльфы, и даже гномы, а это что-то да значило.

И наоборот — Фротир, расположенный у Западного океана и до Века перемен являвшийся огромной державой, развалился буквально на куски сразу же после того, как чума отравила короля и его семью в лучший из миров. Причем воедино эти земли больше так никто и не собрал, они распались на несколько королевств и три с лишним десятка суверенных герцогств.

Ради правды, время от времени и повелители этих самых королевств, и владыки соседних держав пытались присоединить независимые герцогства к своим землям или хотя бы добиться от них вассалитета, но ничего у них не получалось. Не слишком ладящие в дни мира друг с другом, герцоги в военную годину становились одним целым и давали отпор агрессору. Ну а после этого снова враждовали друг с другом. Гипотетически по их герцогствам можно было бы прокатиться огнем и мечом, но кому нужна выжженная земля без подданных? Никому.

Впрочем, тот же Руфус, упокой боги его душу, предполагал, что такое дело — лишь до поры до времени, рано или поздно найдется тот, кто сначала поглотит герцогства, потом — королевства поменьше, а там и до титула императора недалеко. Руфус называл это «генезис власти». И еще он был уверен в том, что императора будут звать Линдус. Может, за такие речи его и прикончили, в конце концов?

Но это я отвлекся. Вот в одно из этих герцогств мы и держали путь.

Из моего родного города мы отбыли очень быстро — пожар-то вышел нешуточный, столбы дыма я видел еще часа три после того, как мы выехали из западных ворот. Похоже, занялись-таки жилые кварталы, на что мастер Гай философски сказал:

— Огонь очищает. И потом, на пепелище лучше вырастает новая жизнь.

И пришпорил коня, ускорив ход.

Я тоже ехал верхом — пришлось, Агриппа заставил. Врать не буду, до этого мне на лошадь влезать не доводилось ни разу, и, если бы не этот здоровяк с его кулачищами, я бы на нее ни в жизнь не вскарабкался.

Как же я отбил себе зад о седло в первый день! Это просто ужас что такое! И ляжки натер тоже. Но — надо. Мастер Гай не шутил, когда говорил о том, что мне предстоит много чего усвоить. Я просто не представлял себе, насколько много.

День за днем он вдальбивал мне в голову всякое-разное, причем настолько разное, что я только диву давался. Я выучил родословную баронов фон Рутов — от первого из них, Лео фон Рута до своего якобы батюшки, Йохима фон Рута.

Я узнал, как охотятся с собаками, как загоняют оленя, как травят медведя и как смотреть в горло подсадным уткам.

Я носил вещи покойного барона, чтобы они выглядели на мне естественно, будто я в них вырос. Мало того, мне пошили еще несколько костюмов, ради этого мы даже задержались в славном городе Триндите.

Мне рассказали о фамильных древах всех правящих семей Рагеллона (тут, правда, я не сильно напрягался, все равно всех этих венценосных персон не запомнишь. Много их очень.). Я заучил наизусть имена великих мудрецов прошлого и названия их сочинений. Агриппа назвал это лишним трудом, но мастер Гай все равно заставил меня это сделать.

Если мы ночевали в городе, то, как правило, маг селился в лучшей гостинице и требовал, чтобы ужин нам сервировали так, как это делается у каких-нибудь графов или даже королей. Не потому, что он был столь чванлив, просто я должен был усвоить, как вести себя за столом в приличном обществе. Вы когда-нибудь ели с толстыми книжками под мышками? Нет? Вы не знаете жизни. Еда была отменная, я эдакой снеди сроду не пробовал, даже когда жил в благородном доме. Но половина ее поначалу пролетала мимо моего рта.

Но это еще ничего. Если мы останавливались на ночевку в каком-нибудь занюханном месте или в лесу (а бывало и такое), то меня ожидало куда более серьезное испытание. Я попадал в руки Агриппы, который учил меня владеть благородным оружием, то есть тяжелой шпагой¹ и дагой². Как правило, при поединках дворяне орудовали именно ими.

Кстати — и шпага и дага у меня теперь были свои собственные, мне их купил Агриппа в первом же крупном городе, которым оказался Триндит. Он долго и придирчиво осматривал товары в нескольких оружейных лавках города, сам махал клинками, заставлял меня это делать, дотошно расспрашивая о том, насколько хорошо оружие лежит в руке, цокал ногтем по лезвию и задавал торговцам массу непонятных для меня вопросов.

¹ Тяжелая (или боевая) ш п а г а — длинный обоюдоострый клинок, пригодный для нанесения как колющих, так и рубящих ударов.

² Д а г а — кинжал для левой руки при фехтовании шпагой, предназначенный как для защиты, так и для нападения.

В результате я стал обладателем даги и шпаги, клинок которой был украшен гравировкой в виде изящных букв, складывающихся в слово. В имя мастера, как мне объяснил Агриппа. И теперь наутро у меня болел не только зад от седла, но еще и руки от махания тяжеленным клинком, а также грудь — от множества уколов и порезов. Чудо, что Агриппа вообще меня не прикончил до сих пор — я не понимаю, как он всякий раз чуял, что пора остановить клинок. Я слышал, что благородные для таких учебных поединков используют специальные нашлепки на острие. Не знаю, Агриппа подобными вещами себе голову не забивал.

Хотя, может, именно это меня и подстегивало к тому, чтобы научиться отбивать его удары и делать это правильно. Через три недели он сообщил мне:

— Ну, это уже что-то. По крайней мере, ты хотя бы держишь клинок правильно, а не как деревенщина.

В его устах звучало как похвала.

Мне приходилось очень нелегко, но это не значит, что я только жаловался и жалел о том, что в подобное ввязался. Нет-нет. Я учился — и охотно.

Если правящие фамилии королевских домов и методы охоты были мне безразличны, то географию и историю Рагеллона я слушал с открытым ртом — и она сама была интересна, да и рассказчиком маг был отменным. С немалым прилежанием я постигал правила хорошего тона и умение убивать себе подобных — это было то, что непременно пригодится мне в жизни.

Да и понравилось мне искусство фехтования неожиданно для меня самого. От занятий я не отлынивал и выкладывался на них по полной.

Через месяц с лишним мы покинули Центральные королевства континента, и наш путь продолжился по землям герцогств.

— В этих краях нам следует быть более осторожными, чем ранее, — сообщил мне мастер Гай, показывая на покосившийся столб с прибитой к нему ржавыми гвоздями некрашеной доской, на которой тупым ножом была криво и косо вырезана надпись: «Герцогство Махерштайн». — Герцоги — народ непредсказуемый и вздорный. К тому же у них в чести

кровосмесительные связи, что не способствует появлению на свет хоть сколько-то разумных правителей. Вот скажи мне, Эраст, кем надо быть, чтобы установить подобное? Если это граница, то где будка с капралом, разделительная линия и все прочее? А если столб установлен просто так, то какой в нем смысл?

— Лет пять назад я еле унес ноги от одного такого герцога, — добавил Агриппа. — Его денежные дела были настолько плохи, что он взялся за разбойничье ремесло и отлавливал всех, кто проезжал через его земли.

— С целью взимания пошрины или с целью грабежа? — заинтересовался мастер Гай.

— Всего сразу, — хмуро ответил Агриппа. — И еще выкуп требовал от родных и близких захваченного. Еле отмахался тогда. Да вы должны помнить ту мою поездку, мастер.

— Да-да. — Маг кивнул и снова посмотрел на столб. — Нет, герцогская вольница — это просто безобразный нарост на теле западных земель. Куда только смотрит Линдус Восьмой, я не понимаю?

И вскоре я с ним согласился. На территории королевств были отменные дороги, то и дело на глаза попадались путевые указатели, и, заселяясь в придорожную гостиницу, ты мог быть уверен в том, что в кровати не будет клопов и наутро ты проснешься живым. Здесь подобным и не пахло.

В этом герцогстве, а после и в других, нас не раз пытались ограбить и убить. Это случалось на лесных дорогах, в придорожных заведениях и даже на улице милого уютного городка со звучным названием «Фрайштадт». Причем в последнем случае — прямо среди бела дня.

Как ни странно, подобные происшествия вызывали радость у Агриппы, всякий раз он это безобразие называл «практическими занятиями» и заставлял меня сражаться с последним из оставшихся в живых негодяем. Поначалу это был не самый сильный боец, но и не самый слабый, кто-нибудь из тех, кто умеет держать в руках шпагу, но недостаточно хорошо, чтобы прикончить меня сразу. И раз за разом Агриппа выбирал для меня все более и более серьезных противников, требуя, чтобы я не просто махал железом, а думал над тем, как убить своего врага. Он постоянно повторял мне, что

поединок выигрывает не тот, кто лучше владеет оружием, а тот, кто сможет своего противника загнать в угол.

А как он возмущался, когда я не пожелал довести дело до конца и прикончить самого первого своего поединщика. Ох, как он орал!

Можно подумать, что мне так вот легко было убить живого человека. Ну да, я рос на улице, но раньше мне убивать не приходилось. Всякое было, да и ножом я орудовал не раз, но все же не убивал, не было у меня такой цели. А тут — пришлось, поскольку, когда я опустил шпагу и сказал, что не могу этого сделать, мастер Гай достал из кармана заветную мензурку и молча показал мне.

И тогда я воткнул острие клинка в горло лежащего на земле разбойника. Выбирая между своей и его жизнями, я выбрал свою. А потом мне было очень плохо, я вообще заснуть две ночи не мог — все казалось, что как только я закрою глаза, так этот человек за мной придет.

Не пришел. К тому же вскоре мой личный счет пополнился вторым покойником, и лицо первого подзабылось.

Вот так шло время. Лето было гнилое, и мы месили грязь на проселках герцогств, названия которых я забывал быстрее, чем мы их проезжали. Я все увереннее орудовал шпагой, получил массу сведений о том, что должен знать молодой барон из захолустья, но так и не приблизился к ответу на основной вопрос: в каком качестве я нужен магу? К чему он меня готовит?

Впрочем, все когда-нибудь кончается, кончились и наши странствия. Через три недели после того как мы покинули королевства, когда лето почти подошло к концу, я наконец снова услышал знакомое название.

— Вот и граница славного герцогства Химмельстайн, — сообщил мне Агриппа. — Добрались, стало быть.

Мы только-только выехали из леса, и путь нам преградил обрыв. Тут это обычное дело, вместо дороги — обрыв. Или река, без малейших признаков парома или перевоза, особенно если в этом месте заканчиваются границы очередного герцогства. Его светлости местному герцогу все равно, как люди будут покидать границы его земель. Да и чего вообще уезжать из его владений, ведь это — рай земной, а у соседа ничего хо-

рошего нет. И сам сосед — свинья вонючая, если не сказать хуже.

— Красиво, — признал я. — Но большой разницы между тем, откуда мы приехали, и тем, куда мы направляемся, не вижу, если честно.

Под обрывом текла небольшая речушка, за ней был зеленый луг, за лугом начинался лесок. Ничего принципиально нового.

— Это потому, что ты пока еще не научился предчувствовать удовольствие от приближения к намеченной цели, — пояснил Агриппа. — Поверь мне, Эраст, это одно из самых сильных ощущений в жизни. Более притягательным может быть только вид умирающего заклятого врага и, пожалуй, лицо того человека, который убьет тебя.

— Все у тебя к одному сводится, — проворчал я.

Надо заметить, что у меня с Агриппой в результате сложились вполне приятельские отношения. Общие потасовки и совместная прогулка в бордель сближают мужчин.

В бордель меня отправил мастер Гай, сообщив:

— Барон Рут не может быть девственником, это исключено. И мне совершенно не нужно, чтобы задуманное провалилось из-за какой-то девки, которая растрезвонит всем об этом.

Не знаю, как он пронюхал о том, что я еще не был с женщиной. В результате я провел ночь в на редкость веселом месте. Впрочем, против я ничего не имел, мне там очень даже понравилось.

Агриппа составил мне компанию, и наутро мы вышли оттуда если не молочными братьями, то приятелями. Как выяснилось, веселые дома сближают куда быстрее, чем совместные путешествия.

Хотя я не обольщался на его счет. Дружить с ним — это как дружить с горским волкодавом. Он будет позволять себя гладить до той поры, пока его хозяин не скажет: «Взять». И все. Мощные челюсти уже сжимают твое горло.

Тем не менее я уже позволял себе отпускать комментарии о происходящем и даже изредка иронизировал. Никогда, кстати, не подумал бы, что я именно иронизирую. Всегда считал, что просто шучу. Но мастер Гай сказал, что у меня не-

плохо выходит именно иронизировать, а после объяснил смысл этого слова. Еще он посоветовал мне знать в этом деле меру, и я с ним согласился. Убивать меня Агриппа не стал бы, но кулаком по сопатке вдарить запросто может.

— Сколько отсюда до Кройцига? — спросил маг у Агриппы. — Когда мы до него доберемся?

— Два дня — самое большее, — ответил тот. — Если заночуем здесь, то послезавтра к вечеру будем на месте.

— Заночуем здесь, — немедленно заявил мастер Гай. — Вниз только спустимся.

— От реки сыростью тянет, — поежился я. — Как бы не простыть.

— Эраст, стыдись, — попенял мне маг. — Ты барон из Лесного края, ты можешь спать на снегу и есть сырое мясо. Тебе ли бояться банальной простуды?

— Тот барон, может, ее и не боялся, — хмыкнул я. — А я...

— А ты — это он. — Маг вытянул руку и цапнул меня за подбородок. — Не заставляй меня жалеть о том времени, которое я на тебя потратил. Ты — он. Ты можешь скакать на лошади неделю подряд, махать шпагой и травить лису, и это все ты умеешь делать с детства. Ты — барон фон Рут.

— Я барон фон Рут, — устало подтвердил я.

Я так часто себе это повторяю, что и сам начинаю в это верить. Но мне совершенно не хочется прожить чужую жизнь. Она рано или поздно кончится, и с чем я тогда останусь? Точнее, кем я тогда буду? Не барон фон Рут, но уже и не Крис Жучок.

На самом деле не тянуло от реки сыростью. Плеск воды немного успокоил меня. Это у них цель приближается, а мне — сплошные переживания. Нет ничего хуже неизвестности, а она сейчас — моя верная спутница.

— Не дергайся так, — посоветовал мне мастер Гай, отправляя в костер скелетик рыбы. Агриппа с отменной сноровкой наловил довольно крупных рыбешек и зажарил их, причем получилось это у него замечательно. — Я знаю, что ты весь извелся и перебрал в голове сотню вариантов. Но уверен: ни один из них не является правильным.

— Мастер, а зачем такая таинственность? — спросил я. — Почему вы сразу мне не сказали, куда и зачем мы едем? Я бы хоть знал, что меня ждет.

— На то есть как минимум пять причин, — показал мне растопыренную пятерню маг. — И ни одну я тебе не назову, просто поверь, что они есть. Да это и не столь важно теперь.

— Ну не скажите, — не согласился с ним я. — Если я не знаю, куда еду, то неплохо бы хоть понимать почему.

— Красиво загнул. — Агриппа похлопал в ладоши. — Мастер, вы сделали из него риторика.

— Полагаю, он сам не понял, что сказал, — усмехнулся маг и указал пальцем на противоположный берег реки. — Там — герцогство Химмельштайн.

— Это я уже понял.

Меня внезапно начало знобить. Меня всегда потряхивает в такие моменты.

— Через два дня мы будем в Кройциге, — продолжил маг. — Это главный город герцогства. Там мы переночуем, а утром обнимемся на прощание и расстанемся на какое-то время. Что будет с нами, тебе знать ни к чему, а вот ты отправишься дальше, и через... Агриппа?

— Часов через двенадцать, не менее, — отозвался здоровяк.

— Через полсуток ты прибудешь в деревеньку с поэтичным названием Кранненхерст. — Я до этого ни разу таким серьезным мастера Гая не видел. — А в паре лиг от нее ты увидишь высокий холм и стоящий на нем замок. Тебе он наверняка покажется большим-пребольшим, на мой взгляд, он так себе. Вот этот замок и есть цель твоего путешествия. К нему ты и отправишься.

— А там что? — уточнил я.

— Там? — Мастер Гай засмеялся, но как-то непривычно — мелко, мелко. — Там — то место, где ты весело и познавательно проведешь как минимум год. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Там, мой милый Эраст, будет твой новый дом и название ему — «Воронья гора». Там ты будешь учиться самому сложному делу на этом свете. Там из тебя будут делать мага.